

Христианские ценности и христианская цивилизация: проблемы восприятия

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

Высочайший уровень доклада и общественная значимость рассмотренной в нем проблемы, ориентируют не столько на «дополнения» и «уточнения» отдельных позиций доклада (что бессмысленно), сколько на «дополнения» и «уточнения» *своих собственных*, казалось бы, уже устоявшихся представлений по поводу услышанного. Естественно, что я в своем кратком выступлении лишь конспективно и фрагментарно изложу малую часть того, что занимает меня в течение многих десятилетий.

О невосприимчивости слуха к языку христианских ценностей

Невосприятие и даже агрессивное неприятие христианских ценностей (особенно в их, пользуясь определением докладчика, инструментальном аспекте) часто связано со спецификой их языкового воплощения. Крайнее выражение эта ситуация находит тогда, когда наш обыденный язык возлагает на ключевые понятия христианства (например, на слова: любовь, страх, гордость, смирение) прямо противоположную смысловую нагрузку, делая высокое низким, и наоборот. Христиане и нехристиане все более становятся двумя разными лингвистическими сообществами.

Современных христиан нередко упрекают в непонятности их языка, и они действительно живут в своем особом языковом пространстве, а православные — дополнительно

обособляются в нем, сохраняя и постоянно используя церковно-славянский язык. Я не буду говорить о невероятной мощи этого языка, о его многозначности и контекстности, о его фонетической естественности и т. д. За редкими исключениями слова этого языка воспринимаются как исконно родные, и непродолжительная практика снимает все препятствия в понимании и в произнесении соответствующих текстов.

Но, — специфическая языковая среда свойственна христианству как таковому *независимо от того, каким языком пользуются верующие* в ходе богослужения или келейной молитвы. Это связано с тем, что христианам присуще особое мироощущение и мировосприятие, вербализация которых часто делает обычные слова — необычными, придает особый смысл устоявшимся словесным конструкциям и позволяет, например, русскому человеку столетиями молиться о том, чтобы «воздвиглись стены иерусалимские».

Здесь мы сталкиваемся не только с естественными трудностями **первичного** «перевода», когда по выражению современного богослова происходила библейская вербализация Слова — не адекватное выражение, но милостивое *приспособление*, Божие *снисхождение* к людям, в мир *человеческих* мыслей и слов. Бог открывает Себя в *человеческих* словах и одновременно остается скрытым в *своей Инаковости*. Уже поэтому каждый последующий «перевод» (на греческий, на церковно-славянский, на современный русский) Священного Писания немислим без экзегетических усилий, и сколь же велики должны быть желания, если и не таких усилий, то хотя бы вдумчивого восприятия того, что было когда-то переведено на человеческий язык как таковой. К сожалению, новейшее постмодернистское сознание все менее склонно к размышлению над *исходной сутью* сказанного (прочитывается только «текст») и не потому ли адепты человеческой гордыни с таким трудом примеряют к себе определение «раб Божий» или усматривают чрезмерное уничижение своего «я» в Покаянном Каноне?

О системной природе совокупности христианских ценностей

Христианские ценности нельзя ни воспринимать, ни руководствоваться ими поодиночке; это — многоипостасная, «нераздельная и неслиянная» мегасубстанция, общение с которой делает невозможным такие, например, высказывания, как «из всех общечеловеческих ценностей я выбираю только демократию». Христианские ценности «выбираются» или целиком, или не выбираются вообще.

Совокупность христианских ценностей системна по своей природе, по генезису (они проистекают из *единого замысла* о мироустройстве и людях), по мощнейшей синергии и по системным же результатам. В то же время, в отличие от других ценностных конгломератов, отдельные компоненты которых равнозначны, подвижны и могут без особых вербальных трансформаций переходить в любые другие совокупности ценностных ориентиров, христианские ценности образуют достаточно заметную *систему с системообразующей доминантой вселенской любви* — абсолютного императива, неведомого ни язычеству, ни иным так называемым мировым религиям. Вне этой доминанты все христианские ценности как бы теряют ту самую евангельскую соль. Об этом с предельной прямоотой говорят Евангелия и Апостольские послания, об этом написано так много и так хорошо, что я приведу лишь известные слова блаженного Августина (из его «рассуждений на первое Послание Иоанна»): «*только любовь составляет различие между сынами Божиими и сынами диавола... В этом величайший признак, великое различие... если у тебя нет лишь этого одного, нет тебе никакой пользы от остального*» (выделено мной — В.Л.).

В доминанте любви — одновременно вершине и фундаменте всего здания христианских ценностей я усматриваю не только их сокровенную суть, но и основное препятствие для практического воплощения любым государством христианских заповедей в законы и нормы поведения и власть

имущих, и подданных (они же народ, граждане, население и т. п.). Ни одно государство в мире никогда не создавалось для реализации главной заповеди Божией, ставшей системообразующим основанием *всей* системы христианских ценностей. Институционализация этих ценностей всегда осуществлялась не на уровне государства или цивилизации (созданных людьми), а на уровне главного творения Божия — отдельных людей, соединившихся в церкви, не отягощенных глубокими богословскими знаниями, не погруженных в спасительную аскезу, не чудотворящих и не ищущих «восторгов духовных». Только они несли и несут в себе христианскую закваску цивилизационных процессов.

Христианские ценности — уникальная система, жизнеспособность которой поддерживается не *центростремительными* (питающими ее), а *центробежными* (от них — к каждому, способному воспринять эти ценности) интенциями. Это должно было бы стать весьма существенным пунктом в любых обсуждениях того, что есть христианские ценности и что есть христианская цивилизация. Христианский облик цивилизации придают не устои государства и не культурная составляющая цивилизации, а доминирование христианских ценностей в душе каждого христианина. И в этом отношении цивилизация позднего государственно-языческого Рима часто представляется мне более христианской, чем цивилизация времен Священной Римской империи.

О христианских ценностях и христианской цивилизации

В ходе дискуссии высказывалось однозначно позитивное отношение к использованию понятия «христианские ценности» и весьма разноречивое — по поводу понятия «*христианская цивилизация*».

Думаю, что неприятие определения «христианская» применительно к «цивилизации» происходит не только из-за жесткого определения рядом наших коллег понятия «циви-

лизация», в котором нет места для религиозного компонента. Видимо, в отмеченном неприятии немалая роль принадлежит и бесспорным фактам весьма своеобразных форм ассимиляции христианских ценностей цивилизационными институтами той же Европы. Вспомним в связи с этим, что обращение Павла (перерождение личности) и обращение Константина (новорелигиозное утверждение монархии) качественно различны. Не исключено, что цивилизация, которую можно назвать «христианской», — это еще один цивилизационный тип в том многомерном, по моему утверждению, мире цивилизаций, где, например, перуанскую цивилизацию (устоявшееся понятие в исторической науке) можно без особых натяжек считать цивилизацией культа Инки (он же «солнце на небе»), где вполне уместны понятия «иудейская цивилизация» и т. п. Не буду повторять доводы тех, кто доказывает правомерность христианской идентификации нашей цивилизации, — большинство из них представляется мне безупречными.

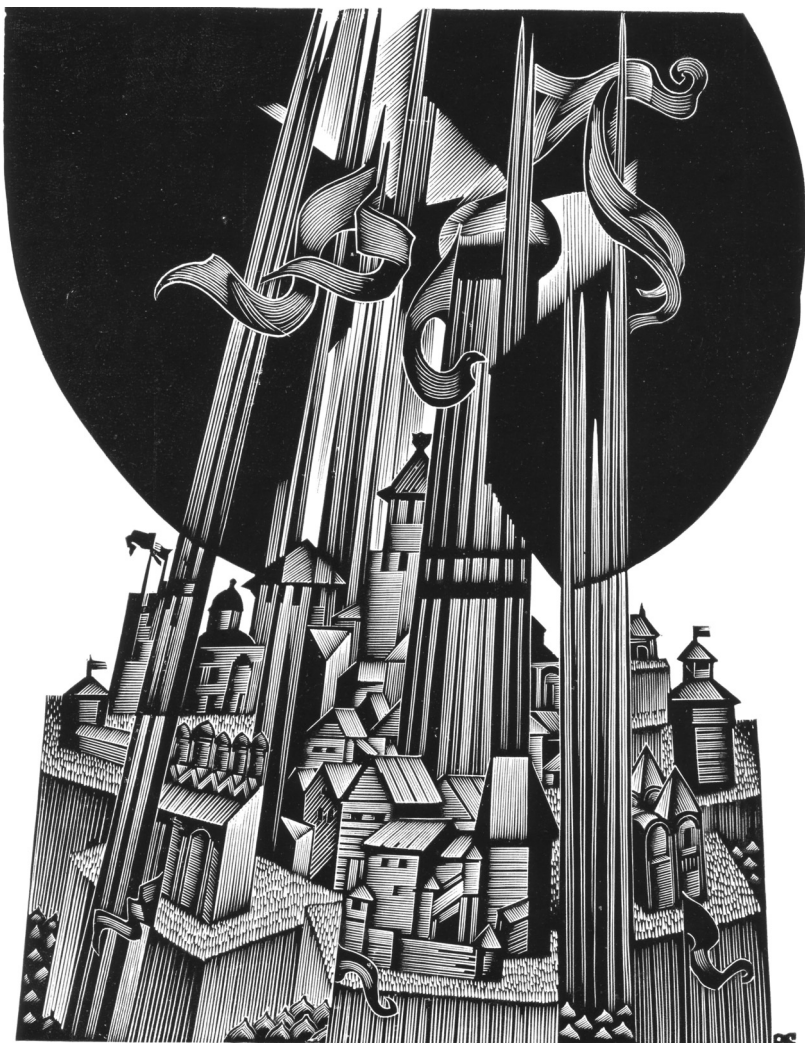
Отмечу, однако, что дефинициальный ригоризм по отношению к христианской цивилизации отнюдь не безобиден. Если цивилизация нуждается в защите — ее нужно защищать. Если конфессиональное начало существенно для цивилизации — нужно защищать и его. Забудем о недавних французских цивилизационных конфликтах. Вспомним о том, что пока наши глашатаи общечеловеческих ценностей клеймят саму идею *факультативного* преподавания в российских школах основ православной культуры, в чеченских школах вводится *обязательная* дисциплина «Основы ислама», а министр образования Республики Чечня (до сих пор в составе России) Лема Дадаев утверждает, что это даст ясное представление детям об их религии, — и правильно утверждает (в системе понятий о современной и, главное, будущей исламской цивилизации). На наших глазах формируется модель новой мусульманской цивилизации, и кто скажет, что «исламский фактор» не причастен к ее появлению?

В исследовании воздействия на цивилизационные начала миростроительства христианских ценностей неизменно возникает методологическая проблема их структурирования, индивидуальной идентификации, принятия этих ценностей как многоипостасной *целостности* или как равно — (разно?) статусной их *совокупности*. Нерешенность этой проблемы или невнимание к последствиям ее нерешенности не компенсируется рядами комментариев, расположенных в том или ином порядке (что можно видеть в любом курсе догматического богословия). В связи с этим мне показалось убедительным и весьма удобным (не только для изложения, но и для анализа) предложенное докладчиком раздельное рассмотрение христианских ценностей в *фундаментальном* и в *инструментальном* аспектах, что не лишило предмет рассмотрения (*систему* ценностей) его важнейшего свойства — целостности и, одновременно, позволило представить непротиворечивую конструкцию *перехода* фундаментальных ценностей (как основы мировосприятия) в *ценности должных поступков* и индивидуально-общественных отношений, а это и есть альфа и омега *формирования* всех компонентов цивилизации.

В связи с вышесказанным, может быть, следовало бы в интересах сближения наших позиций отойти от понятия «цивилизация» как *состояния* общества (к которому некоторые из наших коллег считают неоправданным применение определения «христианская») и перейти к понятию «цивилизации» как *процесса*, в ходе которого по Норберту Элиасу *смещается стандарт человеческого поведения, обусловленного одними и теми же обстоятельствами*. Приняв такую точку зрения на предмет нашей дискуссии, мы сможем оценить объективность *христианского вектора* становления всех западных цивилизаций нового времени, сила которого ощущается даже сейчас, когда христианство *силой* изгоняется из созданного им цивилизационного пространства, когда *насильственно* трансформируется сама структура элиасовской социогенности человеческих страхов, струк-

тура предписываемого и запрещаемого обществом. То, что общество в своей массе не ощущает насильственности и не замечает агрессивности секуляризации, не есть нечто неожиданное, — об этом предупреждали еще евангелисты.

Я знаю, что существует множество определений «цивилизаций», адепты (или авторы) которых всегда готовы объяснить, почему западную цивилизацию нельзя считать христианской. Но я знаю и то, что эта самая цивилизация погибнет сразу же, как только сумеет уничтожить в своем генетическом коде якобы неимманентные ему гены христианства. Никто не будет стимулировать ее гибель извне, — эта болезнь называется вырождением: не христианства, а цивилизации. Более того, все, что я знаю о происходящем в мире и в нашей стране, лишь подтверждает мои предположения о том, что христианские ценности — единственные вербально зафиксированные условия для нашего общего существования, а их сознательное восприятие и следование им на деле — единственный шанс земного выживания, предоставленный нам два тысячелетия назад. Второе пришествие будет другим (см. Апокалипсис).

Освобождение от ига.
Художник А.И. Калашников